

Hanna-Lanna

Наблюдающий взгляд в тишине скользит по *белому городу*. Мини-малистичные формы, по всей вероятности идентичные, напоминают каркасы высоких квартирных домов. Эти группы поделены поровну между двумя белыми плоскостями столов — три и три — и кажутся отражением друг друга. Видеоклип, при помощи которого я знакомлюсь с произведением, захватывает в кадр стены с облупившейся краской в ателье художника. Открывается многогранная динамика внутреннего и внешнего пространств.

Исследуя миниатюрный макет, я оказываюсь в позиции, в которой понимаю масштабность своего взгляда. Где нахожусь я сама, если *белый город* так легко показывает мне свои фасады? Так или иначе, я наблюдаю со стороны, а точнее сверху. На дистанции город кажется простым и упорядоченным. Структуры выстраиваются из кубиков и промежутков между ними. Сконструирован ли так каждый мир — по одному блоку за прием? А в качестве блоков — решения, которые при достаточном повторении создают пространства, кажущиеся неизбежностью?

Для кого предназначен *белый город*? Вблизи — плоскости макета текстурные, несимметричные. В деталях проявляется человеческое прикосновение, приблизительность, брак отливки. Это формы созданы человеческими руками и временем. Взгляд в отверстия, которые можно посчитать окнами, встречает пустота — пустое, жутковатое ощущение.

Это ощущение не отпускает. Мы имеем дело с миниатюрной отсылкой к миру, но к какому же? Что и кто является оригиналом и где он находится? Его присутствие неуловимо, но в то же время неизбежно. Существует ли он уже или только будет возведен в будущем, или такие временные категории безосновательны? Художник не дает прямого ответа на эти вопросы, но обращает внимание на факт творческого процесса на границе миров и масштабов.

Художник:

Текст:

Kaljo

Magdalena

Глядя на этот белый город, я сразу вспоминаю «Белый город», один из самых удручающих финских фильмов. Я увидела этот шедевр Аку Лоухимиеса в безмятежном детстве и все, что я могу вспомнить — это гнетущее депрессивное настроение и сцену, где человек, живущий в тихом заснеженном районе, застроенном частными домами, в порыве отчаяния убивает ударом об стену морскую свинку своего маленького сына. Финское кино во всей тоске.

Город, построенный Яссем, напоминает морозный и темный Хельсинки Лоухимиеса, где между домами завывает ветер, а за окнами нет ничего, кроме рутины и безнадежности.

Интересно, может ли кто-нибудь жить в этом миниатюрном спальном районе? Возможно ли, что за повторяющимися панелями и повторяющимися квадратами окон этих повторяющихся зданий скрывается какая-то особенная квартира, полная цветов и узоров? Чье-то личное и индивидуальное пространство — жилище, имеющее свое лицо? Я изо всех сил стараюсь представить себе это, но тщетно. «Белый город» гасит любой проблеск надежды.

Мрачная пустота сочиться из десятков оконных глазниц девятиэтажных панельных зданий. В этом городе никто не живет. Здесь можно лишь анонимно существовать и ждать, когда пройдет время. За окном следует окно, за этажом этаж, за домом дом. Оконные рамы и стеновые панели образуют многоуровневые геометрические ландшафты и клинически монохромные виды ни для кого.

Три башни балансируют на грани между скучными новостройками и заброшенным спальным районом, они как бы плывут на тесном квадратном островке, с которого нельзя сбежать. Прямые улицы между домами ведут только от дома к краю острова. Я обхожу дома, поднимаюсь и спускаюсь по лестницам. Тишина. Никого нет дома. Уныние опускается на город, как ноябрьский снег. Слегка неровные стены трещат в ледяной хватке мороза.

Стоя на краю острова, я замечаю еще один такой же город на другой стороне залива. Совсем как зеркальное отражение. Те же безжизненные здания, те же пустые окна, те же повторяющиеся формы.

Город кажется таким близким, но добраться до него невозможно. По крайней мере сейчас. Острова, на которых построены оба города, разделены глубокой пропастью.

В общем одиночестве они, как зеркала, отражают безмолвное существование друг друга.

Архитектор, похоже, посмотрелся финских фильмов.

Художник:

Текст:

Maavik

Vitamiin

Сийм Прейман:

Узнав об участии Ясса Казелаана, я подумал, что он — идеальный художник для этой выставки. Ведь он как раз и занимается тем, что делает слепки форм и множит их. К примеру, на выставке «Натюрморт (Vaikelu)» в галерее «Хобузепа» он экспонировал кости и шестеренки из темной как чернозем эпоксидной смолы, а на выставке «Овцы (Lambad)» в Тартуском Доме искусства — сто человеческих голов из гипса. Это вполне естественно, ведь он скульптор, снятие слепков является неотъемлемой частью этой профессии. Этот важный навык Казелаан не однажды использовал в своих знаковых работах. Мне особенно понравилось, как он скромно заметил, что создал когда-то художественное произведение под названием «Поле кукол (Nukkude väljak)». Конечно же, мы знаем произведение, за которое он получил награду Köler Prize и которое сейчас экспонируется во дворе Художественного музея KUMU. Так или иначе, здесь имеет место некий интересный сдвиг. Для того, чтобы отлить копию, необходима форма — негатив объекта. Если в центре инсталляции «Поле кукол» были куклы, вокруг которых размещались фотографии панельных домов, то теперь он создает из панельных домов ансамбль... Сколько их будет? Два, четыре?

Лилиан Хиоб:

Больше! Целая куча.

СП:

И он заметил, что, может быть, добавит на стены рисунки. Я не уверен, так уж ли это необходимо рассматривать эту работу как отливную форму или негатив «Поля кукол», где символы весьма любопытным образом поменялись друг с другом местами.

ЛХ:

В скульптуре интересно следующее обстоятельство: несмотря на то, что она основывается на принципе создания копии, потенциал копирования здесь не осуществляется в полной мере — в отличие от графики, где одну литографию можно напечатать тиражом в несколько сотен оттисков. А в скульптуре ты все же стремишься создавать уникальные объекты.

СП:

Ну, к примеру, растиражировать объект в бронзе...

ЛХ:

... требует, наверное, больших затрат! Но в то же время интересно именно то, что мы видим в макете Ясса: человеческая рука не способна к созданию точной копии. Люди же нередко мечтают о некоей идеальной копии, словно приписывая ей неземную сущность. Но, так или иначе, человеческие ошибки неизбежны.

Художник:

Текст:

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Внимание, внимание, Черный Гроб на колесиках выбрался из могилы.

Пауза, по радио играет классическая музыка, Кусти играет на полу с машинками и ничего не замечает.

Внимание, внимание, Черный Гроб на колесиках едет по главной кладбищенской аллее к главным воротам.

Пауза, по радио играет классическая музыка, Кусти играет на полу с машинками и ничего не замечает.

Внимание, внимание, Черный Гроб на колесиках выехал из кладбищенских ворот и направляется к автобусной остановке.

Пауза, по радио играет классическая музыка, а Кусти все играет с машинками на полу и ничего не замечает.

Внимание, внимание, Черный Гроб на колесиках едет к остановке автобуса № 35, автобус уже подъезжает! [В голосе диктора нарастает тревога.]

Пауза, по радио играет классическая музыка, а Кусти играет с машинками на полу и по-прежнему ничего не замечает, Кусти не самый смекалистый ребенок.

Внимание, внимание, Черный Гроб на колесиках выкатился из автобуса и на полной скорости едет в сторону дома Кусти по адресу Викарлассе 16, квартира 79!!! [Диктор пытается привлечь внимание Кусти, Кусти продолжает играть с машинками и не знает, что, включив бабушкино радио, он разбудил древнее адское проклятие.]

Гроб набирает обороты. Он весь трясется от возбуждения. Впервые за более чем тысячу лет он близок к своей цели — уничтожить юного, невинного и глупого ребенка и утащить его душу прямо в потусторонний мир. Гроб приближается к серому 9-этажному панельному дому, где находится его жертва. «К счастью, в доме есть пандус», — отмечает Гроб. «В противном случае мне пришлось бы туговато». Из Гроба высовывается щупальце и пытается открыть дверь подъезда. Дверь заперта. Щупальце тычется в дверь, находит домофон и набирает 79. Ждет. Кто-то отвечает, домофон издает рык, бормотание и гудение, а это значит, что Гроб скоро сможет подняться наверх и сделать то, для чего он был создан. «Агрррхх», — из глубин Гроба доносится зловещий голодный звук.

Гробу сложно забраться в лифт, но лифт, как и пандус, все же лучше, чем лестницы. Попробовали бы вы сами подняться на восьмой этаж, будучи черным гробом из жесткого материала и на маленьких колесиках. Но в этот раз получилось.

Лифт достигает восьмого этажа, Гроб красиво встает на все четыре колеса, осматривается и находит квартиру 79. Он подъезжает ближе к двери, стараясь принять как можно более устрашающую позу. Он ждал этой минуты тысячу лет. Щупальце нажимает кнопку звонка. Ничего не происходит. Нажимает снова. Дверь открывается, в коридор врывается облако шума, сигаретного дыма и перегара, две чиксы в мини-юбках затаскивают Гроб в комнату. Ему тут же суют в щупальце стакан розового джин-тоника и тащат в комнату знакомиться. Гроб в ужасе. Должно быть, это какая-то ошибка Google Maps. Утром Гроб страдает похмельем и в нем просыпается одна из девиц в мини-юбке. Ее помада размазалась, а в голове витают остатки угольно-черных сновидений.

Текст:

Для нынешней Артишок биеннале Яссь Казелаан сваял несколько похожих друг на друга скульптур, прототипом для которых стали девятиэтажные панельные дома. Ввиду того, что автор не использовал формы для отлива, а строил все макеты вручную, каждая скульптура становится уникальной в своей неточности.

В архитектуре панельные дома стали синонимом копий. Хотя то же самое можно сказать и о многих других новостройках. Создается универсальный стандарт, который должен отвечать потребностям обычного человека. Но только по форме и внешнему виду. То, что происходит *внутри* квартир панельных домов — это совершенно особый мир, в котором нет ничего универсального. Напротив, содержимое каждой коробочки уникально.

Внушительную часть детства я провела в квартирах панельных домов района Мустамяэ, у себя дома и навещая родственников и друзей. И в эти коробки универсальной формы помещались очень разные личности и многообразные стили жизни. Один сосед мог жить как грязный асоциал, а за стеной находилась элегантно обставленная квартира пожилой дамы.

Я бывала в квартире, где кошачий туалет никогда не убирался, и слышала, как сосед ударяет жену. В то же время я видела и стильные квартиры художников, неприбранные холостяцкие гнезда, простые, но ухоженные норки матерей-одиночек, заполненные игрушками временные жилища молодых семей, последние пристанища пожилых людей...

Все истории, которые скрывают эти апартаменты — особенные, личные и уникальные, как и ручная работа. В этом смысле, формы панельных домов — действительно универсальные копии, потому что они предлагают пространство, в котором умещается почти все. Это как Kinder Сюрприз: постучав в случайную дверь, нельзя точно предсказать, что найдешь.

Художник:

Текст:

Вопре

ДУБЛИКАТ, -а; *м.* [от лат. duplicatus — удвоенный] Второй экземпляр какого-л. документа, имеющий одинаковую с подлинником юридическую силу. *Д. накладной. Д. читательского билета. Выдать д. Пользоваться дубликатом.* <Дубликатный, -ая, -ое. *Д-ое удостоверение.*

Источник:

Большой толковый словарь русского языка.

Гл. ред. С. А. Кузнецов.

Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.

Авторская редакция 2014 года.

Художник:

Текст:

Dracastel

Статистически вполне вероятно, что вы жили в панельном доме. Например, я вырос в пятиэтажном панельном доме в Тарту. В самом обычном. Нормальный дом, построенный в середине восьмидесятых. Помимо меня там жили сотни людей, например, — если захотеть ненадолго представить свое детство особенным, каковым оно не было — жила спортивный репортер Ану Сяэритс. Соседние дома были похожи один на другой. Всего в Тарту проживало около ста тысяч человек, большинство из них в подобных панельных домах. Но в туристические брошюры обычно включают все же что-то из старого города.

По вечерам я смотрю новости. Осталась такая привычка. В новостях редко показывают панельные дома. В основном, когда говорят, что с утеплением все еще есть проблемы, или кто-то построил бомбу в подвале или сбросился с балкона. Если я вижу здания в новостях, то это, как правило, частные дома. Или, если и попадаются многоквартирные дома, то только деревянные, такие поменьше, где живет несколько десятков человек, а не панельные. Думаю об этом и вспоминаю статистику, согласно которой большинство эстонцев живут в панельных домах. В советских панельных домах, которых не увидишь в новостях. Что воспроизводит невоспроизведение панельных домов?

Прототипом работы Казелаана стал девятиэтажный панельный дом. Он абстрагировал его, уменьшил его форму, удалил следы человеческого присутствия, и поэтому мы видим пространство в его чистой форме. «Здесь могут разместиться сотни, тысячи, сотни тысяч человек», — думал советский градостроитель, думает современный градостроитель, и будет думать будущий. Панельный дом пришел в нашу жизнь, чтобы остаться. Говорят же, что с экологической точки зрения жить в панельном доме менее вредно для окружающей среды, нежели в частном доме. Будущее человечества за эффектом масштабирования и т. п., в духе Ласнамяэ и Аннелинна.

Понятно, что советские панельные дома не были чем-то оригинальным, а копиями мировых тенденций. Выйдите за пределы старых городов, куда не ходят туристы, и вы увидите настоящие, построенные из панелей Париж, Рим и Флоренцию. Такими, каких вы их не увидите в брошюрах. Конечно, качество советского строительства оставляло желать лучшего, но Казелаан, который выводит форму панельного дома в центр внимания художественной публики — авангарда визуального восприятия — кажется нам концептуально интересным именно из-за фактора человеческой ошибки.

Текст:

Художник:

Начнем с фактов. Типовой проект макетов «Белый город», представленный на Артишок биеннале, располагается на специально подготовленных для выставки столах. Размер обеих столешниц — 89 x 209 см, столы установлены на козлах высотой 77 см. 6 моделей изготовлены из крашеного дерева. Из 404 полос фанеры вырезано 1404 квадратных элемента. Количество элементов равно количеству окон в шести макетах. Прототипом здания стал 9-этажный панельный дом, который можно увидеть на фотографиях Казелаана, обрамляющих бетонные портреты кукол в инсталляции «Кукольная площадь» (2014). «Белый город» — это система отсчета «Кукольной площади», и одновременно ее дальнейшее развитие.

Если кукла обычно является уменьшенной копией человеческого существа, то куклы Казелаана имеют гигантские размеры, а макеты панельных домов, в свою очередь, уменьшены до размеров кукольного домика. Копирование, формальные приемы и игра с размерами — важная часть творчества скульптора. И хотя Казелаан утверждает, что сам рабочий процесс не имеет особого значения, он все же очень подробно описывает рутину распиловки кусков дерева как монотонную и ведущую к отчуждению работу на конвейере. Производство макетов домов вручную можно рассматривать как попытку привнести человеческое измерение в массовое производство — и ошибки и несовершенства как нечто неизбежное и необходимое для жизни.

Что останется от человечности, если запихнуть ее в коробку с окнами? Казелаана интересует здесь приемлемый баланс между человеческой душой и техническим прогрессом, отделкой и топорной грубостью. Он черпает вдохновение в «Апокалипсисе» Николая Батурина, где бездушный человек ничем не лучше бесчувственного робота, который всегда хладнокровен и для которого искусства больше не существует. Полет беспилотника — технологического достижения, которое используется правящей властью — через скопированный вручную пустой белый город, зримо передает отчуждение человека от созданной его же руками среды.

Художник:

Текст:

Maria

Здесь зеленые поля. Длинная пышная трава, которая колышется на ветру. Когда-то колыхалась здесь вода. Но потом вода закончилась, и теперь тут трава. Свет с просинью. Как будто он не хочет мириться с тем, что вместо волн теперь травинки. Свет и вода, должно быть, хорошо ладили. По крайней мере, мне так кажется. Потому что ни деревьев ни кустов здесь тоже нет. Нет ничего кроме травы и этих зданий, которые высятся посередине. Полностью белые, пустые и дырявые — словно то, что было у них внутри, вытекло и заполнило все вокруг.

Отверстия в зданиях квадратные. Абсолютно одинаковые. Похожи на окна. Только смотреть не на что — ни внутрь, ни наружу. Но лучи света, наверное, любят с ними играть. Вплетаться между ними. Иногда я застаю их за самозабвенными плясками внутри конструкций. Эта ситуация кажется мне щекотливой. И немного грустной.

На самом деле всем здесь немного одиноко. Одиноко или скучно. Дождя здесь тоже нет. Есть только свет и трава и шесть домов. Обычно с тысяча четыреста четыремья окнами. Хотя иногда мне кажется, что у некоторых домов окон больше, у некоторых меньше. Но, может быть, это просто кажется так от скуки. Тоски.

Я не знаю, как эти дома оказались здесь. Их сюда принесла вода? Может, когда-то они были большими кораблями, а потом остались здесь. Высохли. Или был здесь когда-то древний город, чья слава потускнела? И теперь остались только эти шесть домов. В среднем с тысяча четыреста четыремья окнами. Без дверей и петель. Один бесконечный день. Продолжительное повторение. Шесть раз по одному. Один умножить на шесть. Этажей, конечно, тоже нет. Больше нет совсем ничего. Полное одиночество. Пустота. Трава колышется в одном ритме. И окна.

Художник:

Текст:

Luiga

Яссь Казелаан
«Белый город»

Пожалуйста, перед применением внимательно прочтите данный текст. Если у вас возникнут дополнительные вопросы или какие-либо сомнения, обратитесь к кому-нибудь.

Храните этот текст в надежном месте, возможно, вы захотите прочесть его снова.

Состав «Белый город»?

404 элемента побольше и 1404 элементов поменьше образуют 6 домов. В одном доме 234 окна. Здесь нет причин вдаваться в подробности, но количество окон равно общему числу мелких элементов. Дверей нет. Идентичности — по сути тоже. Это белый. Что-то вырисовывается, что-то совсем поверхностное. Улицы пусты. Мероприятий по озеленению не проводилось. Здесь еще не живут.

Какова рекомендуемая доза?

- Предпочитаете поэтический или конкретный ответ?
- Ээ... мы бы хотели узнать, сколько это займет времени?
- Ну, это зависит от того, как быстро вы посмотрите... Начните сначала, забудьте о времени.
- Один за раз?
- Да. Один за раз. Например. Поначалу. После может быть больше. Я так считаю.

Каковы меры предосторожности приема «Белый город»?

Если вы свернули горы. Если вы выросли или сейчас живете в каком-то панельном жилом районе. Если вы читали «Осенний бал» Мати Унта или смотрели соответствующий фильм Вейко Юнпуу. Если вы планируете построить памятник или работаете над оформлением общественного пространства. Если повторы или рутина — ваша тема.

Что произойдет в случае пропуска приема?

Что-то должно было произойти.

Каковы побочные действия «Белый город»?

Подсознательное желание видеть исключительно порядок, хотя своеобразие проявляется в неупорядоченной среде. Вы не переносите повторов. Вы не терпите повторов. Вы не перевариваете повторы. Вы не наслаждаетесь повторами. Вы не воспринимаете повторы. Или своеобразие. Или рутину.

В случае возникновения неудобств в связи с упомянутыми или иными побочными реакциями, поговорите с кем-нибудь.

Текст: